

Возвращение.

1988

Я всё чаще теперь замечаю:
стоит только на миг отвернуться,
как знакомые с детства предметы
с мест сдвигаются и осторожно
подползают почти-что вплотную,
и стоят за спиной полукругом,
ожидая сигнала к атаке...

Видно, кто-то командует ими.

Иногда захватить удаётся
их врасплох, и на долю секунды
краем глаза я в зеркале вижу,
как с ленивым презрением над полом
зазевавшийся стул проплывает,
или шкаф поднимается в воздух
и готовится прыгнуть на плечи...

Я стою и боюсь шелохнуться.

Мои вещи совсем обнаглели:
не хотят на места возвращаться,
их тела покрываются потом,
всё быстрее начинают вертеться
и наматываться мне на шею
очень скользкою мокрой верёвкой...

Жить становится слишком опасно.

Вот вчера, например, целый вечер
наблюдал за ножом перочинным.
Он прикинулся мёртвым вначале.
Но меня так легко не обманешь.
Через пару часов я заметил:
свет на лезвии начал дымиться,
нож забился, как будто в падучей,
и с шипеньем пополз потихоньку...

Хорошо, удалось убежать мне.

А в последние дни появились
голоса, непонятно откуда.
Они были, конечно, и раньше,
но вели себя, в общем-то, тихо.
А теперь - как крикливые бабы,
без умолку визжат и плюются,
кулаками стучат истерично
изнутри в черепную коробку...

Я себя уже больше не слышу.

Неуклюжим магнитом в щетине
голосов и предметов враждебных
здесь стою, растопыривши руки.
Ключья света по комнате пляшут,
в голове моей шум нарастает,
барабанные рвёт перепонки.
Всё быстрее вращаются вещи...

Но об этом никто не узнает.

1988

Заснул, весь привычно согнувшись,
как будто бегун перед стартом.
И вспыхнул в мозгу телевизор:
в огромном зелёном экране
скользят, извиваются цифры,
сжимаются в белую точку
и в небо туннель образуют.

Иду, натываясь на стены.
Слепые летучие мыши
мохнатыми крыльями бьются,
в моей голове застревая.

И цепь саблезубых монахов -
коммандос, спустившихся с неба -

пунктирную осью уходит
в лицо совершенного Будды.

Всё это со мной уже было.

Сверкающей каменной глыбой
лежит на песке лицо Будды.
Меня кто-то поднял за шею,
как пешку вперёд пододвинул,
и я головой прикоснулся
к губам его полураскрытым,
пытаясь услышать хоть что-то.

Дрожат вокруг мокрые стены,
и катится пот с меня градом.
Под речитативы монахов
фигуркой из мягкого воска
всё тело моё оплывает,
становится белой точкой,
как след в середине зкрана...

И гаснет в мозгу телевизор.

1988

Попытка рождения.

Сегодня приснилось, что я умирал:
в груди разорвалась хрустящая ткань,
хрип вылетел в небо и, как бумеранг,
ко мне возвратился обратно в гортань.

Я плыл в пузыре тишины наугад:
зародыш в плаценте, разбухший от слов.
Пузырь мой теченьем наружу несло,
я умер, но я возвращаюсь назад.

И вдруг чей-то голос пузырь проколол...

Когда он ко мне повернулся,
и мы оказались вплотную,
я стал замечать постепенно
свечение третьего глаза:
из точки, где сходятся брови
смотрел на меня с удивленьем
ещё один глаз, неподвижный.

Мне спорить уже не хотелось.
Мы молча сидели на кухне
и лбами почти что касались
друг друга, как два коромысла
весов, опустившихся с неба.
Лицо моё вверх поднималось:
я взвешен и найден был лёгким.

Он что-то сказать попытался.
Дрожащие синие нити
по телу его заструились
с сухим электрическим треском,
как тысячи маленьких молний.
Но я его больше не слышал:
лицо моё плавало сверху,
уже отделившись от тела.

Я плыл, замирая от счастья,
сквозь лица недавно умерших,
сквозь лица родных и знакомых,
сквозь вещи, забытые с детства.
Я плыл коридором спасенья,
обмытый сияньем проточным,
и память о жизни и людях
с меня шелухой осыпалась.

И было пронзительно ясно:
я жил свою жизнь как зародыш
внутри материнской утробы,
барахтался, рос, развивался,
готовился к этой минуте,
последней минуте рожденья.
Но я не готов оказался,
и надо назад возвращаться.

.....

Когда, наконец, я очнулся,
его уже не было в кухне.
Лишь в воздухе жёлтая точка
дрожала остатком свеченья.
Я долго смотрел в эту точку,
и всё моё грузное тело
пыталось осмыслить частицу
мне вдруг приоткрывшейся тайны.

1988

Я помню, я ехал с работы
один, вдоль притихшего леса.
Машина плыла по асфальту,
наматывая на колёса
зеркальную ленту дороги...
И я засыпал понемногу.

Но вдруг, словно дёрнуло током
от боли, сверкнувшей в затылке:
лицо моей умершей мамы
летело в соседней машине,
струясь электрическим светом...
И было чудовищно тихо.

Прозрачные серые ветви
в глазах её плавно скользили.
Губами к стеклу прижимаясь,
она повторяла всё время
какую-то длинную фразу...
И била в стекло кулаками.

Чужой желтолицый мужчина
с массивной седой головою
сидел рядом с ней неподвижно,
сжимал колесо рулевое
своими большими руками...
Глаза его были закрыты.

Я газ выжимал до предела,
их лица назад уплывали.
Но всё это было напрасно:
я знал у меня за спиною
несётся, огней не включая,
машина её сквозь деревья.

2 Мая, 92

Отверстие круглого рта,
лиловой мембраны мерцанье.
Под нею помады черта -
неряшливый знак вычитанья.

В напудренных складках висят
исчадия глаз подведённых.
Как страшно раскрашен фасад
бессмертной души, заключённой
в обтянутый кожей сосуд...

11 Ноября, 92

В сигаретном дыму
говорящие круглые головы
проплывают вокруг
на раздвоенных книзу телах.
Пахнет жженою серой,
сивушною гнилью тяжёлою.
Волосатые сферы,
толкаясь под лампочкой голою,
изрыгают слова,
раскаляя себя добела.

Трапеза.

Гирляндой овалыные, плоские лица
висят, как портреты, на чёрной стене.
Над лицами дым сигаретный слоится.
Усталый хозяин сидит в стороне.

Нанизаны на серебристые вилки
кровавое мясо, раскрытые рты.
Полощется свет в недопитых бутылках.
Трясутся ножи на тарелках пустых.

Испуганный мальчик стоит у рояля
с зажжённой свечою, прижатой к груди.
В мерцающем воздухе к лицам овальным
прилипли куски ритуальной еды.

Блестящие губы жуют беззаботно.
Моргают над пищей пустые глаза.
„Не кушайте мясо убитых животных.
Убоина - яд!“ - вдруг ребёнок сказал.

Лишь только он кончил, как полночь пробило.
В окне прокричал деревянный петух.
И слышно им стало, как вещи молились.
И свет на груди у ребёнка потух...

А тот, кто был должен наутро предать их,
из комнаты вышел.

Ноябрь, 93

За столами дородные жёны.
Анемичная спит добродетель
в полукружиях лиц наклонённых.
На руках у них пухлые дети
грудь сосут, улыбаются сонно...

Шепелявый юродивый ветер,
набухая звучанием, стонет,
лижет круглые головы детям.
Тлеет воздух в углу над иконой,
Божий лик на них ласково светит,

И кончается тысячелетье...

26 Янв., 92

Над церквями, мостами, домами
в зимнем солнце горящее тело,
налюбовленное до предела,
изогнувшись дугою, летело,
всё обмотанное облаками.

В нём тяжёлым, глумливым отливом
сотни глаз, не мигая, сияли,
с хрипом небо жевал хохотальник
и сквозь ветер смеялся гугниво.

Это женское тело в преддверьи
превращения в знаменье плыло,
выжигало цветы на могилах,
растекалось по небу, струилось
чёрным облаком с обликом Зверя.

Февр., 92

Муравьи высотой с человека, из мглы
выползают колонною по-трое в ряд.
Задевая дома и ломая углы,
их клешни с металлическим лязгом звенят.

В самом центре колонны ползущим пятном
пустота, и внутри, запрокинув рот,
Чингизхан Джугашвилиевич Гитлер идёт,

окружённный живым муравьиным кольцом.

И пробитую пулей икону к груди
прижимает, уставясь в небесную твердь.
А кольцо муравьёв возбуждённо гудит,
В их хитиновых панцырях плавает смерть.

12-15 Мая, 92

Ампутировал прошлое и в инвалидной коляске,
громыхая, несусь в туче пыли средь белых камней.
Уже нечем дышать, напрочь душу отбило от тряски.
Неба синий наждак обдирает всю кожу на мне.

В раскалённые диски сливаются острые спицы,
словно пену, взбивая из воздуха солнечный свет.
Обгоняя мой хрип, вниз под гору летит колесница.
Я привязан ремнями. И пыль замечает мой след.

10 Окт. ,94

День весеннего солнцеворота.
Двухтысячный год.
Миллиарды людей
на пяти континентах,
запрокинувши скулы
и вытянув руки вперёд,
смотрят в солнце.
Сплетённых лучей позументы
на ключицах горят.
От голов поднимается пар.
Прожигая небесную мякоть над ними,
разбухает с шипением
огненный шар.
И к Земле приближается неотвратимо.

22 Окт., 94

В полдень карлик слепой с воспалённым лицом
появился из жерла подъезда на свет,
что-то выкрикнул в небо разорванным ртом,
нахлобучил угрюмо на череп берет
и раскинул ворсистые руки крестом.

И глаза проступили в ладонях... потом
в них набухли горючие капельки слёз.
От зеркальных ногтей замелькали кругом
десять зайчиков роем разбуженных ос.
Вырывая подошвы из тени с трудом,
карлик шёл сквозь жужжанье. Блестящий ремень
сквозь разрез пиджака вылезал, словно хвост.
И сочились глаза из ладоней на тень.

Опустившись на корточки передо мной,
он ногтями в асфальте стал мелко скрести.
соскоблил свою липкую тень с мостовой,
с отвращеньем забросил подальше в кусты,
разбежался... и в Землю нырнул с головой.

18-19 Янв., 95

Прокручивая сны свои назад,
я застреваю в кадре, где луна
сквозь дырку в туче освещает сад.
И женщина внизу у края сна,
качаясь, в позе лотоса сидит.
Пять пальцев одинаковой длины,
как белый веер на её груди,
шевелиются в сиянии луны.

Из раковин ушных ручки текут
живого пота, разъедая кожу.

Под шеей слившись в волокнистый жгут,
уходят в треугольное межножье...
Подрагивают брови на сосках,
напудренных толчёными костями.
Глубокий шрам пробора в волосах
пульсирует неровными толчками.

Кусок луны над головой её
обёрнут в тучу, словно в чёрный саван.
Она на древнем языке поёт,
поднявши к небу оба глаза правых.
И не уйти... как будто у меня
всё тело рассыпается на части.
Я знаю: женщина у края сна
чудовищною обладает властью.

1 Июня, 97

А вот ещё из жизни здешней.

Раз после трудового дня
по пустырю, во тьме кромешной
я шёл пешком и вдруг опешил:
в дрожащем диске из огня
змея качалась, разомлевши,
над чёрной вазою аптечной.
Потом скосила на меня
глаза, в которых прыгал свет,
и вазу обняла... Мне вечно
мерещится какой-то бред.

5 -15 Дек., 97

В конце дороги пьяный сторож дремлет.
Гудят стволы - обугленные трубы
завода „Лес“, закопанного в землю.
И в сером небе намалёван грубо
тяжёлый дым над трубами, как кроны.

Вовсю кипит подземная работа.
В отделе кадров за столом огромным
сидит Начальник, обливаясь потом.

Топор над ним сияет как икона.

Сквозь сапоги, измазанные глиной,
колоды ног разбухших прорастают
ветвями красных пальцев в пол бетонный...

Глаза закрыв и голову откинув,
он дело моё медленно листает.

А над землёю, в белизне творожной
гудят стволы, мелькают хлопья снега...
Счастливый сторож спит, и осторожно

метель с его лица снимает слепок.

Янв., 94

Это тело чужое, в котором
я хожу уже больше полвека,
на глазах моих деревенеет.
Остановишься - и отовсюду,
разветвляясь сквозь новую почву,
прорастают чудовищно быстро
волосатые белые корни.

И когда, извиваясь от боли,
вырываешь себя и уходишь,
волоча за спиною отростки,
паутину разорванных судеб,
то подошвами чувствуешь: кто-то,
очень сильный и злой, под землёю
в темноте продирается следом,
поджидает, пока ты устанешь
остановишься, выпустишь корни.
Чтоб вцепиться в них мётвою хваткой
и к себе затянуть...

[На Предыдущую Страницу](#)